

Брат короля не мог быть казнен только потому, что чиновники предложили королю назначить кронпринца. Обе стороны продолжали бы противостоять друг другу до тех пор, пока король не укрепил бы свое положение, а Ли Ху решительно не огласил бы свою волю. Он молил о прощении, потому что хотел жить, а не потому, что хотел умереть. Поэтому он должен был терпеть до конца. Даже если после этого придется умереть.

Легкий снег, выпавший с момента его прибытия во дворец, превратился в ревущий снежный шквал. Сначала снежинки таяли, как только касались его тела; с определенного момента они начали замерзать, прежде чем испариться. И снег начал накапливаться.

Когда снег перестал падать и взошло солнце, снег, скопившийся на теле Ли Ху, растаял, намочив его волосы и одежду. Однако снег снова начал падать, словно сыграв с Ли Ху злую шутку, а пронизывающий ветер продолжал дуть на него, то и дело замораживая его волосы и одежду. Несмотря на то, что на нем было только исподнее, он надел его в несколько слоев, чтобы легче переносить холод. Несколько слоев тонкого хлопкового белья согревали его, и если бы не сильный ветер и снег, он смог бы выдержать холод. Но погода была неумолима.

Вот так Ли Ху провел два дня в снегу и терпел холод. Никто не пришел убрать снег. Его красивое лицо начало шелушиться, губы обветрились и кровоточили. По всему лицу появились белые, сухие участки кожи. Открытая кожа на воротнике и рукавах стала грубой и жесткой.

В этот момент он уже не мог определить, сколько времени прошло. В этот момент перед ним появилась длинная тень. Когда он медленно открыл глаза, то увидел, что на него смотрит король этой страны.

— Холодно.

— Мне совсем не холодно, — ответил Ли Ху.

— Вставай, — сказал король.

— Я не могу причинить вред телу, которое даровали мне родители, поэтому я все еще жив, несмотря на столь неверный поступок. Пожалуйста, приговорите меня к смерти и заложите фундамент для этой страны, — как только принц Мён Хван закончил говорить, он многократно поклонился и ударился лбом о землю. Красная кровь брызнула и потекла по снегу. Капающая кровь была такой же красной и насыщенной, как цветы сливы, которые обычно рисовал принц Мён Хван.

Когда Ли Ху, поклонившись, просил приговорить его к смерти, король смотрел на него с выражением, полным смешанных чувств. Он посмотрел на его холодное дыхание, рассеивающееся в воздухе, и плотно закрыл глаза.

— Я сказал тебе встать. Заставлять меня повторять - это тоже акт неверности. Поскольку ты признал свои ошибки, я отвечу. Возвращайся и запишись на месяц, — тот факт, что король не

опроверг признание принца Мён Хвана, означал, что он признал вину принца Мён Хвана. В глазах короля само существование принца Мён Хвана, Ли Ху, само по себе было грехом.

Как только король вошел в Тэчжон и исчез из их поля зрения, Дон Хо быстро подошел к Ли Ху и накинул ему на плечи свой халат. Когда Ли Ху выпрямился, кровь из раненого лба стекала по его лицу к подбородку. Дон Хо вытер кровь своего господина тряпкой и встал перед ним спиной. Для принца Мён Хвана было слишком тяжелым физическим испытанием выйти из дворца после двухдневного стояния на коленях.

Ли Ху на секунду почувствовал противоречие. Ради своей чести он не должен был позволить Дон Хо нести его на спине. Однако, если он выйдет оттуда с достоинством, это уменьшит значимость его самонаказания за последние два дня. Поэтому он встал первым и с помощью Дон Хо облачился в свою одежду, после чего встал лицом к Тэчжон и почтительно поклонился. После этого он жестом подозвал к себе Дон Хо и обхватил его за плечи. Это был лучший вариант, который он мог выбрать.

Как только он вышел из Тэчжона, поддерживаемый Дон Хо, к нему сразу же потянулись люди. Среди них была и Джимил Сангун из Дэбичжона; ее сопровождал королевский лекарь. Увидев ее, принц Мён Хван тихонько засмеялся.

— Пожалуйста, передайте вдовствующей королеве, что я навещу ее в следующий раз.

Ли Ху отказался от любой помощи. Только после того, как он оказался перед уже подготовленным креслом, его ноги подкосились, и тело рухнуло.

— Ваше высочество! — Дон Хо был потрясен и подхватил его. Ли Ху глубоко вздохнул и пробормотал.

— Это так странно. Здесь так жарко, но почему мне так холодно? — Ли Ху в досаде ударил себя в грудь и с недоуменным выражением лица спросил Дон Хо.

— Снято! Плохой дубль.

Несмотря на то, что режиссер кричал "плохой дубль", У Джин не шевелился, медленно поднял руку и дотронулся до лица. Он посмотрел на капельки воды между пальцами и задумался, что это такое. На секунду его сознание помутилось.

— Это похоже на слезы... Я сейчас плачу? — промолвил У Джин.

— Да, — подтвердил Ли Дан У.

— Но почему? — спросил У Джин.

Ли Дан У ответил на вопрос У Джина лаконичным ответом, но У Джин поднял голову и спросил о причине с пустым выражением лица. Однако Ли Дэн У не смог ответить на этот вопрос. У Джин был тем, кто отклонился от сценария, поэтому он должен был сам дать ответ. Странно, но слезы не перестали литься так легко. Когда У Джин в замешательстве вытирал их тыльной стороной ладони, к нему подошел режиссер Юн.

— Что со мной не так? — выслушав вопрос У Джина, режиссер Юн сказал, что у него болят глаза из-за грима, и предложил актерам и персоналу сделать перерыв на некоторое время. Затем он посоветовал У Джину пойти с ним в какое-нибудь приятное место и повел У Джина к старому дереву, которое находилось довольно далеко от съемочной площадки.

Режиссер Юн сначала сел на один из больших камней, окружавших старое дерево, как защитный барьер. Затем он позвал У Джина, похлопав по сиденью рядом с собой. У Джин сел рядом с ним; он все еще вытирал слезы, которые не переставали течь.

— Неужели все наши актеры - плаксы? — Режиссер Юн сдержал смех и протянул У Джину носовой платок. У Джин прижал его к глазам, и слезы просочились сквозь него. Ему стало страшно. У Джин совершенно не понимал, что за слезы он проливает против своей воли.

— Почему я так себя веду? — встревоженно спросил У Джин.

Согласно сценарию, принц Мён Хван должен был беспомощно улыбаться, как будто смеялся над миром, когда произносил последнюю фразу. Предупреждение, данное людям, планирующим использовать его, было успешным. Однако оно оставило после себя горький привкус, потому что все знали: даже если принц Мён Хван так рисковал своей жизнью, амбиции этих людей не угасли. А вершиной этих амбиций была его мать. Может быть, момент и приятный, но его улыбка, предвещавшая бесконечную войну, отражала его сложные мысли.

Однако У Джин проливал слезы с озадаченным выражением лица. Такое прямое проявление эмоций не было прописано в сценарии.

— Разве это не та чрезмерная эмпатия, о которой ты изначально беспокоился? — спросил режиссер.

— Эмпатия... — его нынешнее состояние было слишком неоднозначным, чтобы он мог сказать, что это было простое сопереживание. Настоящий принц Мён Хван не проливал этих слез. Принц Мён Хван из "Красного врага" был растерян из-за своего детского ума и сложных эмоций по отношению к матери, но он не был опечален. У Джин был уверен, что это не проявление сочувствия, поэтому покачал головой.

— Несмотря на это, подумай хорошенько. Чувствовал ли ты что-то такое, о чем обычно не думал во время игры? Другими словами, какие мысли и эмоции были у принца в этой ситуации, когда он смотрел на Тэчжон? — предложил режиссер.

Люди могут чувствовать иначе, разыгрывая сценарий, который они только читали. Услышав вопрос режиссера Юн, У Джин небрежно ответил, прижимая платок к глазам.

— Возможно, он хотел срочно сходить в уборную. Его обмороженные пальцы на руках и ногах не пострадали, вероятно, потому, что он постоянно сжимал их, сдерживая мочу. И он бы поворчал о страданиях, причиняемых этими старыми чиновниками в это холодное время года, и от скуки написал бы стихотворение или спел песню от всего сердца.

Он чуть не сошел с ума, потому что не мог заснуть в холодный день. Он не сразу понял, что перед ним стоит король и смотрит на него сверху вниз, потому что его мысли бешено блуждали. Хотя в сценарии об этом не было сказано, в тот момент Сансун кашлянул рядом с ним, выведя принца Мён Хвана из задумчивости.

Режиссер Юн также согласился с У Джином, сказав, что это должно было быть что-то вроде этого. В конце концов, принцу Мён Хвану тогда было всего 18 лет.

— В прошлом к 18-летним относились как к взрослым, но если посмотреть на современных детей, то 18-летние по-прежнему считаются отчасти детьми. Это промежуточная фаза, когда они еще не созрели физически и умственно, и поэтому не являются взрослыми.

Однако, судя по обстоятельствам тех времен, когда средняя продолжительность жизни была небольшой, люди были вынуждены становиться взрослыми в таком неоднозначном возрасте. В результате они вступали в брак в юном возрасте и становились родителями после этого. Живя в таких жестких условиях, у них не было другого выбора, кроме как повзрослеть. Для принца Мён Хвана все было совсем иначе.

— Ребенок, выдающий себя за взрослого. Поэтому даже в серьезных ситуациях он, скорее всего, будет искать маленькие радости в одиночестве, — сказал режиссер.

— Да, принц Мён Хван не испытывал печали в те времена. По крайней мере, я так думаю, но почему я так плачу? Не похоже, что мне действительно грустно, — У Джин в последний раз вытирал слезы. Наконец-то он перестал плакать. Режиссер Юн глубоко задумался над ответом У Джина.

— Может ли это быть потому, что ты заметил что-то отличное от того, что ты чувствовал?

— Заметил? — спросил У Джин.

— Ты осознаешь и воспринимаешь, отталкиваясь от своих знаний. Например, есть большая разница между эмоциями, которые ты испытываешь, когда у тебя есть информация о происходящем, и когда ее нет, при анализе постановки или любой ситуации. При отсутствии информации, неоднозначная сцена будет воспринята людьми по-разному: может быть трагедией для одних и комедией для других, - объяснил режиссер.

История Цимона и Перо была одним из таких примеров; она фигурировала в нескольких произведениях. Картина, на которой молодая женщина кормит грудью старого узника, могла бы оттолкнуть людей, увидевших ее в первый раз, если бы они не знали истории, лежащей в ее основе. Однако если они узнают, что дочь, которая не так давно родила, не смогла оставить своего отца умирать голодной смертью в тюрьме, и поэтому кормила его грудью, чтобы помочь ему выжить, картина может показаться им совсем другой. Тем не менее, до этого людям она либо нравилась, либо не нравилась на основании того, что они видели, вызывая у них различные эмоции. После изучения предыстории или получения знаний, чем глубже был замысел картины, тем сильнее были эмоции. Однако в условиях, когда у человека уже было достаточно информации, он понимал и сопереживал происходящему с первого взгляда.

— Перед началом съемок ты больше всех исследовал и изучал информацию о принце Мён Хване. Поэтому, когда ты играл, ты мог почувствовать грусть, когда наблюдал за сценой, — режиссер Юн продолжил рассказывать, что и сам иногда испытывал нечто подобное, когда смотрел фильмы или рассматривал произведения искусства. Даже если это был обычный портрет, знание о предмете картины и о том, какой была его жизнь, вызывало другие чувства.

Он испытывал эти эмоции раньше, чем его мозг успевал осмыслить то, на что он смотрел. Бывало и так, что он испытывал различные эмоции, не зная, почему он это чувствует.

— Однако я был в самом разгаре игры. У меня совсем не было времени взглянуть на это с субъективной точки зрения, — У Джин подумал, не расстроился ли он и не заплакал ли из-за незавершённой сцены, и с серьёзным выражением лица покачал головой.

Когда он играл, он играл роль Ли Ху из "Красного врага", а не Чхэ У Джина. У него даже не было времени подумать о происходящем, потому что он не осознавал, что играет. Более того, он прожил свою жизнь как принц Мён Хван. Поэтому у него не было причин горевать из-за эмоций, отличающихся от тех, что он испытывал. Только если бы только принц Мён Хван не сочувствовал бы принцу Мён Хвану.

— Ах...

Осознание мгновенно настигло У Джина.

<http://tl.rulate.ru/book/60946/2863977>